

- ⁹¹ *Балушок В. Г.* Обряды и обычай жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI — середина XVII в.) // СЭ. 1987. № 2. С. 48; *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Т. 1. Київ, 1990. С. 147—148.
- ⁹² *Балушок В. Г.* Исцеление Ильи Муромца. С. 24; ПСРЛ. Т. 38. С. 157; *Карамзин Н. М.* Указ. раб. Кн. I. Т. III. С. 83, а также прим. 143—145.
- ⁹³ *Балушок В. Г.* Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнограф. обозрение (в печати).
- ⁹⁴ *Кардини Ф.* Указ. раб. С. 129—130.
- ⁹⁵ *Тацит П. Корнелий.* Указ. раб. С. 235.
- ⁹⁶ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне. М., 1991. С. 71.
- ⁹⁷ См., например: ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 409.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 38. С. 35, 120; Літописні оповіді про похід князя Ігоря/Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В. Ю. Франчук. Київ, 1988. С. 80, 81; *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 149—150.
- ⁹⁹ *Гуревич А. Я.* Походы викингов. С. 38; *Ястребицкая А. Л.* Указ. раб. С. 137—138.
- ¹⁰⁰ Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 51, 112.
- ¹⁰¹ *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 211.
- ¹⁰² ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 465.
- ¹⁰³ Там же. Стлб. 790.
- ¹⁰⁴ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Л. 234.
- ¹⁰⁵ Слово о полку Игореве. С. 198.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 398; Т. 2. Стлб. 389, 734, 911; *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 114.
- ¹⁰⁷ Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 33.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 113.
- ¹⁰⁹ *Балушок В. Г.* Исцеление Ильи Муромца. С. 24—25; Былины/Составитель... Калугин В. И. С. 30—33.
- ¹¹⁰ *Weber-Kellermann J.* Die Sprache der Bräuche // Zeitschrift für Volkskunde. 1984. В. 1. S. 26.

Ancient Russian «Druzhinniks» Initiation

The reconstruction of the initiation process of ancient Russian fighting men (druzhinniks) is based on folk lore (mainly, the bylins) and the annals. The ritual removal of a young feudal noble from the community and the family involved his relocation to another family and his joining the prince's bodyguard. Under the supervision of an experienced instructor the youth studied the art of war and the druzhina's moral code; his participation in military campaigns and operations was mandatory. The reincorporation phase involved putting on the sword on the initiate (his «belting with the sword»), putting him on his oath of loyalty to the prince, and his ritual fraternizing with fellow bodyguards.

V. G. Balushok

© 1995 г. ЭО, № 1

Б. Н. Проценко

ДОНСКОЙ ОБРЯД ПЛОДОРОДИЯ: СВОЕОБРАЗИЕ И ТРАДИЦИИ

Особенности формирования донского казачества¹ привели к сосуществованию даже в смежных населенных пунктах как общих черт, так и более или менее значительных различий в быте, обрядах, обычаях и языке их жителей. Эти различия ясно осознаются казаками, как правило, хорошо осведомленными об образе жизни и культуре не только ближайших, но и дальних соседей-казаков. Принадлежность к «своей», казацкой, культуре столь очевидна для казака, что он без усилий дифференцирует людей на принадлежащих к казацкому сословию и находящихся за рамками этого сословия, предельно обостряя свою обособленность ответом на вопрос об этнической принадлежности: «Нет, я не русский, я — казак»². Это причудливое сочетание общего и особенного в культуре донского казачества в каждой этнолингвистической экспедиции, которые я провожу с начала 70-х годов, оборачивается любопытными находками, дающими пищу для

размышлений над целым комплексом проблем, связанных со своеобразной социальной общностью в России³. Весной 1990 г. в станице Калитвенской⁴ мне удалось записать уникальный обряд, с которым до этой экспедиции мне не приходилось встречаться на Дону.

Обряд, в котором участвуют только женщины этой станицы, называется «водить танки» и начинается на Красную Горку (первое воскресенье после Пасхи) во второй половине дня (часа в 2—3). В этот день власть в станице принадлежит исключительно женщинам, мужчины же предпочитают не показываться им на глаза: зазевавшийся подвергается денежному штрафу, а то и наказанию (сейчас чисто символическому) кнутом. В назначенное время женщины собираются в нескольких местах станицы. Принарядившиеся казачки связывают концы шалей (головных платков) так, чтобы перегородить ими улицу. Платки эти вручают двум или нескольким женщинам, которые идут впереди процессии. С восточного конца станицы женщины направляются к церковной площади. На перекрестках платки поднимаются и под ними проходят участницы процессии, в том числе и присоединяющиеся к ней из боковых улиц. В течение всего прохода по станице женщины поют одну и ту же песню, повторяя ее при необходимости:

Па р'ик'е, па р'ик'е
Па быстрай р'ик'е...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Там пльв'от' Гай, Гай,
Там шол кавал'...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Йа суч'у та круч'у, ай-Гай,
Там шол кавал'...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Йа сав'йу-та св'ич'у-та
С воску йарава...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Йа паставл'у св'еч'у
Прот'а солнушка.
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а,
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Йа зажгу-та св'ич'у, ай
Прот'а солнушка...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Да в'е быт'-та св'еч'и
Св'ятал'ейе солнушка...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Дай н'и быт' св'икров'ий
Да м'ил'ейе мам'ин'к'и!
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Йа паставл'у св'ич'у
Протиу м'ес'ица...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Да в'и быт'-ть св'ач'и
Св'итл'ей м'ес'аца...
Н'и в'идат' с-пат кам'ин'а
Н'и в'идат' с-пад б'елава.
Да в'и быт'-ть св'оку
М'ил'ей бат'ин'к'и!

Миновав церковь, казачки выходят к глубокой балке, отделяющей основную часть станицы от Варгунки, бывшей некогда самостоятельным хутором, а ныне

ставшей западной окраинной станицы. С Варгунки через балку к ним с той же песней идут женщины этого «кутка». Встреча сопровождается объятиями, поцелуями, шутками, после чего все возвращаются на церковную площадь, где проходит следующая часть праздника.

Здесь, на площади, женщины образуют две шеренги и «водят танки». Одна из групп, двигаясь к другой и отступая назад, ведет свою тему, на которую вторая группа отвечает с теми же движениями. Диалог представляет собой вариант хорошо известной в русском фольклоре песни:

- Мы пашн'у пьхал'и, пьхал'и, пьхал'и.
- А мы проса с'ейел', с'ейел'и, с'ейел'и.
- А ч'ем было бы да вытапчат', вытапчат, вытапчат'?
- Мы кон'и запус'т'им, запус'т'им, запус'т'им.
- А мы кон'ий палов'им...
- А ч'ем вы лав'ит'а...?
- А у нас узды шалковы...
- А мы кон'ий выкуп'им...
- А ч'ем была выкуп'ит'...?
- А мы дад'им сто рубл'ей...
- А мы сто рубл'ей н'и ваз'м'ом...
- А мы дад'им тыс'ач'у...
- А нам тыс'ач'у н'и нада...
- А мы дад'им см'еты н'ет...
- А нам см'еты н'ет — н'и нада...
- А мы кам'ин' папус'т'им⁶...
- А нам кам'ин' и н'и нада...

И только после этого поющие выясняют цели и намерения друг друга:

- А мы дад'им жын'иха...
- А мы дад'им н'ив'есту!⁷

Песня подготавливает кульминацию этой игры-состязания — появление «жениха» и «невесты» (по замечанию информаторов, возможны варианты, и водящие танки избирают вместо «жениха» и «невесты» «цыгана» и «цыганку» или «казака» и «казачку»). Наряженные соответствующим образом «молодые» в сопровождении «свиты» отправляются в «свадебное путешествие» по станице (здесь необходимо отметить очень важный, земледельческий, элемент: в состав свиты входит женщина с длинным кнутом *батогом*, которая и до данного момента участвовала в обряде). При этом женщины не скрывают своих намерений: они взимают дань, в том числе и деньгами, со всех встретившихся им на пути мужчин и не отказываются от любых подношений станичников; эта дань — заранее намеченная цель «храброго поезда»⁸. Оставшиеся на церковной площади женщины продолжают петь («играть песни»), водить хороводы, шутить, задевать пришедших полюбоваться зрелищем мужчин и т. п. Веселье на площади заканчивается с возвращением «жениха» и «невесты»: на собранные деньги и подношения в доме одной из участниц обряда устраивается вечеринка, на которую могут быть приглашены и мужчины, но чаще всего женщины обходятся без них, тем более, что обряд вечеринкой не завершается.

На следующее утро женщины собираются «шить Фоме штаны» (в буквальном выражении: «Хвомы штаны шыть»). Приносят старые брюки, распарывают их по швам, затем сметывают на живую нитку, надевают на «жениха» или «невесту», шутят, устраивают розыгрыши, снова «игрют песни», после чего расходятся по своим домам. Обряд считается законченным, и вновь водить танки казачки соберутся лишь в будущем году.

По словам информаторов, обряд предназначается для того, «чтобы урожай хороший был», причем цель его уточняется весьма необычно для Дона: «чтобы лён долгим рос».

Выражение «*водить танки*»⁹ известно в донских казачьих говорах, но нигде на Дону, по моим наблюдениям, оно не связано с вышеописанным обрядом. Самое распространенное значение этого выражения — «*водить хороводы*», «*играть хороводные песни*»¹⁰. В станице Владимировской, расположенной недалеко от станицы Калитвенской, словосочетание «*водить танки*» означает участие, как правило, незамужних женщин — вдов и разведенных в вечеринке, на которую приглашаются холостые мужчины, что указывает на существование в прошлом более развернутого обряда, возможно, подобного тому, который донские сохраняются в станице Калитвенской. Во Владимировской он редуцировался до предосудительной, с точки зрения жителей, вечеринки с выпивкой. В верхнедонской станице Мешковской о легкомысленной женщине иногда говорят, что она «*водит танки*».

Описываемый обряд интересен не только тем, что в нем своеобразно преломились некоторые восточно-славянские традиции и фольклорные мотивы, но и тем, что он весьма выразительно характеризует существенные особенности быта и духовной культуры донского казачества.

Прежде всего вновь подчеркнем, что это двухдневное действо мы относим к циклу бытовавших у восточных славян сельскохозяйственных обрядов, продолживших более раннюю культурную традицию¹¹. Но дело в том, что исконная сельскохозяйственная (календарная) обрядность донскими казаками утрачена практически полностью. В полусотне хуторов и станиц, расположенных в бассейнах Дона, Северского Донца, Хопра, Чира, Маныча, в которых довелось побывать автору, не знают обрядов весеннего цикла, связанных с пахотой, севом; обряд вызывания дождя, подробно рассмотренный Н. И. и С. М. Толстыми, сменился крестным ходом, от обряда остались только детские припевки типа «*Дождик, дождик, припусти...*» да обливания водой во время крестного хода и вообще в жаркие дни (обрядовая семантика в этом варианте оказалась весьма ослабленной). Обряды, связанные с уборкой урожая и окончанием сельскохозяйственных работ, неизвестны вовсе. Молчат об этой обрядности и донские этнографы и краеведы. Уникальность калитвенского обряда подчеркивает общую картину исчезновения сельскохозяйственной обрядности на казачьем Дону, имеющего исторические причины.

Можно говорить об обрыве восточно-славянской земледельческой традиции, который произошел в так называемый «*рыцарский*» период истории донского казачества, когда на Дон устремились беглецы из внутренних районов древнерусской территории, чтобы зажить вольной жизнью. Здесь они освобождались не только от властей, но и от крестьянского труда, добывая себе средства к существованию в набегах на сопредельные с Доном богатые земли турок, татар, ногайцев и др. Согласившись затем служить русскому царю, казаки потребовали взамен обеспечить их хлебом и военными припасами. Поэтому вплоть до Петровской эпохи земледелие на Дону было запрещено, причем сами казаки строго следили за соблюдением этого запрета, «*дабы воинским промыслам помехи не было*», угрожая ослушникам смертной казнью¹². Восстановив земледелие в первой половине XVIII в. (так как Петр Первый ликвидировал кормление казаков из рук Москвы), казаки тем не менее не возобновили традиционного земледельческого обрядового цикла, прибегая по необходимости, как и на всей христианизированной территории России, к помощи церкви, в частности к крестному ходу. Тем более удивительно сохранение сельскохозяйственного обряда в современной казачьей станице с его существеннейшими знаками: привязанностью к определенному времени (Красная Горка — это начало поминальной, «*родительской*», недели, а связь предков, *дядов*, с плодородием осознавалась славянами с древнейших времен), набором обладающих магическими свойствами предметов (связанные платки, длинный кнут, «*Фомины штаны*»), элементами свадьбы («*жених*», «*невеста*»), в которой идеи плодородия весьма выразительны не только у славян, и «*антисвадьбы*» («*цыган*», «*цыганка*», продолжение обряда на следу-

ющий день), призванной умиротворить потусторонние силы, а также жанровым характером фольклорной песни.

Установка обряда на «долгий лён» ставит еще одну задачу. Льна на Дону сеяли мало и не везде¹³, его аналогом здесь традиционно выступала конопля (технология выращивания, уборки и обработки конопли хорошо знакома пожилым женщинам всех регионов Дона). Тема льна в обряде обращает нас к проблеме этнической принадлежности первопоселенцев Дона: обряд на Дон могли принести с собой переселенцы из мест, где лен культивировался, в том числе и переселенцы с Украины. В нашем случае заслуживают внимания именно взаимоотношения донских казаков с украинцами.

Первая волна украиноязычных переселенцев на Дон состояла из черкасов, т. е. запорожских казаков, и севрюков, т. е. выходцев из бывшей Северной земли. Они осели на нижнем Дону, дав, между прочим, название второй древней столице войска Донского — городку Черкасскому (ныне станица Старочеркасская). Новое массовое переселение украинцев на Дон начинается в конце XVIII — первой половине XIX в., когда донская старшина получает дворянские права и обширные земельные наделы и превращается в помещиков, заселяя свои земли крепостными крестьянами, вывозя их по преимуществу из так называемой Слободской Украины. В освоении незанятых земель внутренней части большой излучины Дона и бассейна Северского Донца принимают участие и русские помещики, переселяя на эти земли частью своих крепостных, а частью — тех же украинцев. Если переселенцы первой волны становились казаками (казаки навязывали свой образ жизни и свой менталитет всякому, кого они принимали в свое сословие), то переселенцы второй волны на земле войска Донского казачьего звания не получали, оставаясь иногородними, «хохлами», как их привычно именовали казаки. В изоляции оказывались и русские переселенцы, не смешивавшиеся с донскими казаками, почему и не приживались среди последних те элементы сельскохозяйственной обрядности, которые переселенцы продолжали использовать на новом месте.

В рассматриваемом обряде некоторые черты позволяют связать его с украинской (в конечном итоге, с восточно-славянской) традицией. Это, во-первых, расположение станицы вблизи границы между русскими казачьими и украинскими говорами, в зоне украинского влияния, да и вокруг станицы находятся украиноязычные поселения. Во-вторых, украинские элементы в вербальной части обряда, к которым мы относим сохранение гласного на месте слабого редуцированного в форме *каменя* (укр. *камінь*, где *i* из *e*, восходящего к *ь* в новом закрытом слоге) и украинские названия кузнеца — *коваль* и леса — *гай* (кстати, на Дону кузнецами, шорниками, медниками, постовалами, т. е. ремесленниками, были преимущественно иногородние, в том числе и украинцы). В-третьих, мелодия этих песен, которая характеризуется напевностью, разделением на голоса, т. е. эта мелодия обладает чертами «степной» песни¹⁴. Все это позволяет, на наш взгляд, допустить возможность влияния на описываемый обряд украинской традиции, в которой, по нашему убеждению, гораздо лучше, полнее, чем на других территориях, сохранились элементы земледельческой культуры славян. Показательно, например, что украиноязычные кубанские казачки станицы Куцевской, пограничной с Областью войска Донского, знают, что «вызвать дождь» можно, разрыв могилу заложного покойника и влив туда воды¹⁵.

Но главное в обряде состоит в том, что с его помощью женщины-казачки заявляли о своих правах. Как уже было сказано, в этот день женщины владывают в станице. Они имеют право вершить свой суд над мужским населением, в том числе и над священнослужителями, вольны в своих действиях (непокорных связывают, могут перевернуть телегу, отпрячь лошадей, а сейчас достается и автомашинам) и заканчивают день шумным весельем на женском пиру¹⁶. Важно отметить, что такое поведение женщин в день, когда они «водят танки», типично для Дона, достаточно вспомнить злоключения персонажа рассказа М. А. Шолохова «О Колчаке, крапиве и мировой революции», когда казачки одного из верхне-

донских хуторов отказались от домашней работы. В раскованном поведении женщин во время обряда сказывается главная черта характера донской казачки — ее самостоятельность. Да и не могла быть другой эта женщина, когда жизнь требовала от нее и выдержки, и трудолюбия, и мужества, и жизненной стойкости. Мужчина в казацком доме был скорее гостем, чем хозяином: служба Отечеству постоянно отрывала его от домашнего очага, к которому он мог и не вернуться из очередного похода. И тогда, конечно, вся тяжесть и домашних, и хозяйственных дел ложилась на плечи казачки. В отдельных же случаях она бралась и за оружие, о чем мы знаем и из донских грамот, посылавшихся в Москву во время турецкой осады Азова в 1642 г., и из устных преданий об обороне станицы Казанской (Верхний Дон) от татарского набега.

Однако помимо роли хранительницы и защитницы домашнего очага донская казачка выступает носителем основных черт духовной культуры казачества. Именно донские женщины возобновили прерванные в «рыцарский» период истории казачества славянские земледельческие традиции, именно они продолжили славянский менталитет. Первопоселенцы на Дону до поры до времени не обременяли себя ни женами, ни семьями. Но по мере того как население Дона увеличивалось, определенную часть его стали составлять женщины. Они появлялись здесь тремя путями. Прежде всего, это были добытые казаками в их бесчисленных походах «за зипунами» турчанки, татарки, калмычки, черкешенки и др., жившие на сопредельных с Доном территориях. По большей части эти полонянки попадали в низовые городки, давая начало (через ступень уличных кличек — ср. Мелеховы-Турки у Шолохова) столь типичным для Дона фамилиям Калмыковых, Турчаниновых, Черкасовых, Тариновых и т. п. Далее, на Дон попадали пленницы-славянки, отбитые у турок, татар и др. Среди этих полонянок особенно много было украинок и белорусок, не ощущавших языкового барьера в общении со своими освободителями. Наконец, на Дон, особенно в верховья, бежали вместе со своими мужьями, детьми, иногда прихватывая с собой орудия труда, тягло, семена и проч., крепостные крестьянки внутренних областей России. Два последних потока женщин и несли с собой традиционную культуру восточных славян. Но «вживляли» ее на новом месте весьма своеобразно, отбирая из обширного наследия то, что было нужнее всего женщине как хранительнице домашнего очага. Поэтому на Дону и не возродилась славянская сельскохозяйственная обрядность (как, впрочем, и календарная, напрямую связанная с хозяйственной деятельностью населения): формально хозяином поля, домашних животных был казак, который занимался хозяйством сугубо рационально, без излишних затей и тем более сложных обрядовых действий¹⁷. Становится понятным, если справедливо наше рассуждение, и богатство семейно-бытовой обрядности на Дону: родильного, свадебного, похоронного обрядов, и развитость системы народной медицины, включающей и искусство лечить физические и духовные недуги с помощью заговоров. Именно дом, семья, здоровье и благополучие чад и домочадцев прежде всего волновали донскую казачку, и она бережно сохраняла все, что принесла с собой на тихий Дон. Напомним, что земледельческий обряд станицы Калитвенской включает свадебные элементы, а первая песня просто перенесена из свадебного обряда¹⁸.

И в заключение еще один вывод из наблюдений над обрядом «водить танки». Этот обряд противоречит популярной среди фольклористов и краеведов идее изоляционизма, когда истинно казачьим считается лишь то, что возникло и развилось в самой казачьей среде, все остальное отбрасывается как чуждое, наносное. Более рациональной представляется та точка зрения, согласно которой своеобразие народной культуры донского казачества определяется сочетанием традиций и новаций, оригинально окрашенных условиями бытия казачьей вольницы. И нет причин отказываться от традиций, в чем убеждают меня женщины станицы Калитвенской, которые ждут того дня, когда они снова начнут «водить танки».

¹ См. у Ю. В. Бромлея: «Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают „субэтноссы“. Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других — бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки)» — *Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии*. М., 1981. С. 48.

² *Савельев Е. Т. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908. С. 1.*
³ Изучение духовной культуры донского казачества активно велось в XIX — начале XX в. Благодаря усилиям донских историков и краеведов (назовем здесь имена А. Ригельмана, В. Д. Сухорукова, В. Броневского, С. Номикосова, Х. И. Попова, М. Х. Сенюткина, В. В. Богачева — и это лишь часть истинных ревнителей донской истории и знатоков донской народной культуры) был накоплен огромный фактический материал, но целостной концепции сущности и характера казачьего менталитета создать не удалось. В последующие десятилетия исследователи ограничивались лишь констатацией оригинальности культуры казаков, предпочитая содержательному анализу формальное перечисление достижений в области образования, здравоохранения и т. п. в ходе исторического развития сословия. Предмет данного сообщения позволяет коснуться лишь некоторых моментов концепции менталитета донского казачества, разрабатываемой автором.

⁴ Станица Калитвенская расположена на левом берегу р. Северский Донец (правый приток Дона) в 20 км (ниже по течению реки) от районного центра г. Каменска, бывшей окружной станции Каменской Области войска Донского, в западной части нынешней Ростовской области. Одна из старейших станиц Дона, некогда многолюдная и богатая, сейчас станица Калитвенская насчитывает около 2 тыс. жителей, занятых преимущественно в сельском хозяйстве. Главной достопримечательностью по праву считается великолепная, недавно возобновившая службы церковью, активные прихожане которой У. П. Семиглазова, К. А. Чернышева, Н. С. Чеченова, А. И. Грушинова и познакомили меня с обрядом, который, по их словам, в станице исполняется «спокой веку».

⁵ Запись этого и следующих фольклорных текстов дана в диалектной транскрипции в точном соответствии с фонограммой. Магнитофонные записи хранятся в архиве автора и фонотеке кафедры общего и сравнительного языкознания Ростовского университета.

⁶ По рассказам моих собеседниц, угроза могла быть осуществлена: кто-либо из поющих эту строчку мог бросить камешек в «противников».

⁷ Мы еще вернемся к этой песне, но здесь уместно привести характеристику, данную Б. А. Рыбаковым: «Календарная игра „А мы просо сеяли“ приурочена к „Красной горке“ (Фомина неделя после Пасхи) или к Троицын дню. Вели игру раньше только девушки. Две шеренги играющих попеременно то шли навстречу одна другой, то отступали назад. Местом игры был холм („красная горка“).» (*Рыбаков Б. А. Язычество древних славян*. М. 1981. С. 403).

⁸ Это широко распространенное на Дону название свадебной процессии.

⁹ Форма *танок* — диалектный вариант восточно-славянского слова *танец*, заимствованного через польское посредство из немецкого *tanzen* с переосмыслением конечного *z* как суффикса *-ец* с беглым *-е-*: танец—танца. Ср.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. М. 1973. Т. IV. С. 18—19. Там же обращается внимание на польские диалектные формы *tan*, *tanek*, которые могли повлиять на рус. диал. *танок*, представленное в южно-русских, западно-русских и московском говорах, что в свою очередь не исключает посредничества украинского или белорусского языков.

¹⁰ См.: *Словарь русских донских говоров*. Ростов-на-Дону, 1976. Т. 3. С. 153.

¹¹ После выхода в свет монографий Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987) земледельческие основы народного менталитета славян вряд ли могут быть всерьез оспорены.

¹² В грамоте 1689 г. находим: «...послали по всем городкам войсковой свой приговор, чтобы никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, я того бить до смерти и грабить» («Распросные речи» — См.: *Дружинин В. Раскол на Дону*. СПб., 1889. С. 16). Об основных занятиях казаков того времени очень выразительно рассказал А. Ригельман: «Они хранили изрядный порядок для удержания татарских нападений и производили при том промыслы свои в ловле зверей и рыбы, а паче подвездами своими вне границ, в чем были весьма смелы, отважны, храбры, удачливы и хитры, и тем себя прославили» (*Ригельман А. История или повествование о донских казаках*. М., 1848. С. 10).

¹³ Ср.: «Во многих местах округа есть лен дикорастущий... Во всем округе высевают льна 339 четвертей, т. е. 450 десятин» (Сведения о земледелии, населении и др. в Миусском округе Области войска Донского (1843 г.). Гос. архив Ростовской области, Ф. 353, оп. 1, д. 15, лл. 2, 2 об.). Миусский округ граничил с Донецким.

¹⁴ В данном случае, не будучи специалистом по мелодике народной песни, я передаю лишь общее впечатление, а «степной» называю эту песню в отличие от «лесной», северно-русской, для которой характерен рваный ритм с большим числом звуковых акцентов — «ауканий», что, наверное, не бесспорно с точки зрения специалистов.

¹⁵ Поверье, что вызвать дождь можно, влив воды в могилу или облив кости покойника, известно и народам Кавказа. См., например, *Никольская З. А. Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев* (К. вопросу о синкретизме народных верований аварцев) // *Вопросы истории религии и атеизма*. Т. VII. М., 1959. С. 323; *Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин*. Цхинвали, 1976. С. 169—171; *Булатов А. О. Пережитки демонотеистических верований народов Дагестана в XIX — начале XX в.* Махачкала, 1990. С. 89. [Примечание редакции].

¹⁶ Нет нужды доказывать, что мои собеседницы — волевые, гордые, самостоятельные, удивительно певучие, мягкие и отзывчивые люди, знающие толк в шутке, в совершенстве владеющие казачьей речью и главное очень похожие на тех казачек, образы которых запечатлены в классических произведениях Л. Толстого, М. Шолохова.

¹⁷ В той же Калитвенской к выезду плугатарей в поле пекли жаворонков, которых ставили на плуг в начале первой борозды, а что с ними случилось позже, уже никого не интересовало. Этим жаворонкам пекли, встречая весну, а в поле выезжали только тогда, когда земля достаточно прогрелась, т. е. безотносительно к какой-либо дате.

¹⁸ Сама обстановка появления «жениха» и «невесты» в обряде напоминает древнейшую свадьбу казаков на Дону, когда жених выводил в круг своих товарищей суженую и объявлял ее своей женой, а получив ее согласие, принимал поздравления и подарки от своих товарищей и приглашал их на пир.

A Fertility Rite of the Don Region: Tradition and Distinction

The article focuses on a fertility rite performed by the Don Kazak women for the purpose of increasing soil fertility, as well as the people's health and well-being. A combination of the all-Slavic traditions and those borne among the Kazaks gives the rite under considerations its special character.

B. N. Protsenko